

О родителях, жизни в Киеве, Праге и Крыму и о чигиринских родственниках отчима

<http://oralhistory.ru/talks/orh-271>

🎙 5 января 1973

Собеседник

Шульгин Василий Витальевич

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 5 января 1973 и опубликована 16 июля 2018.

Введение

Василий Витальевич Шульгин — личность удивительная и противоречивая. Удивительная потому, что он был участником важнейших событий в истории России (он был членом Государственной думы со второго до последнего, четвертого созыва, принимал отречение Николая II от престола), прожил долгую жизнь, до последних дней делясь бесценными воспоминаниями с более молодыми современниками. Противоречивая — потому что будучи одним из организаторов Белого движения, эмигрировал, невольно оказался участником чекистского «пиар-проекта» по улучшению образа советской России в глазах эмигрантов, после войны попал в лагеря, затем был гостем на XXII съезде КПСС и стал главным героем фильма «Перед судом истории», но при этом оставался непоколебимым в своих взглядах на события первой половины XX века и не всегда удобным для «простивших» его советских властей. Естественно, этот живой осколок истории очень интересовал многих, в том числе и Виктора Дувакина, который записал с ним четыре беседы, благодаря которым мы сегодня можем услышать речь человека, родившегося в 1878 году, человека живого и открытого, цитирующего стихи и даже поющего песни.

В первой беседе Шульгин рассказывает о своей семье и родителях, о том, как после смерти отца его начал воспитывать отчим — Дмитрий Иванович Пихно. Его первые воспоминания — жизнь в Киеве и первые впечатления — проход кавалерийских войск с учений. Шульгин говорит о поездках в Прагу и Крым, а завершает беседу рассказом о родственниках отчима — чигиринцах.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Василий Витальевич! Вы прожили такую большую, интересную, разнообразную, сложную жизнь, что я не берусь вам подсказывать, *о чем* вам говорить. Я только напоминаю из наших прежних разговоров несколько общих, ко всем относящихся положений. Первое и самое главное, как на суде (*с улыбочкой*), говорить правду и только правду. Потому что единственный суд, который для нас тут — это суд Истории¹. Второе: делается эта работа, эти записи все проводятся не для какой-либо утилитарной цели в настоящее время, а с единственной задачей сохранить то, что уходит, то есть я выступаю здесь не как публицист, не как журналист, а только как архивист. В этом моя задача. Как построить... И, наконец, третье: в центре внимания, по возможности... так сказать, уделяйте ну... усиленное внимание встречам, событиям и фактам, связанным именно с *историей культуры*. Моя задача — создание первичных звукодокументов по истории русской культуры. Но вы и сами — значительное явление русской культуры. Очень, очень прошу вас рассказать о себе столько и сколько... сколько вы найдете это нужным, в том порядке, в каком найдете это нужным, ну и затем — дальше рассказывает Василий Витальевич Шульгин.

¹ Отсылка к названию игрового мемуарно-публицистического фильма режиссера Фридриха Эрмлера «Перед судом истории» (1965), в котором 86-летний Шульгин согласился не только исполнить роль самого себя в старости, но и симитировать себя в полувековой ретроспективе.

В городе Киеве

Василий Витальевич Шульгин: Прошу извинения у будущих неведомых моих слушателей в том, что я начну эту запись со стихов.

В. Д. (удовлетворенно смеется): Очень хорошо! Вот уже литература!

В. Ш.: И вспыхнул гордый храм, как факел погребальный,

И не угас еще донныне этот свет —

И в ту же ночь другой безумец гениальный

Родился в мир для крови и побед!²

Итак — два безумца: один — Герострат. Герострат сжег восьмое чудо света того времени — храм Дианы Эфесской³ для того, чтобы прославиться. И действительно, он прославился, хотя эта слава, конечно, не всем понятна. Другой «безумец гениальный» был Александр Македонский, о котором сказано, что он родился в мир «для крови и побед», что совершенно...

² Заключительные строки стихотворения Семена Надсона «Из тьмы времен» (1882). См.: *Надсон С. Я.* Полное собрание стихотворений / вступ. ст. Г. А. Бялого; подгот. текста и примеч. Ф. И. Шушковой. СПб.: Академ. проект, 2001. С. 167. Чтобы о нем узнали потомки, Герострат из древнегреческого города Эфеса в Малой Азии среди ночи поджег храм Артемиды, богини охоты и плодородия, покровительницы беременных и рожениц (в римской мифологии ей соответствует Диана). По преданию, в ту же ночь родился Александр Македонский — будущий царь и завоеватель, раздвинувший границы своей империи от Египта до берегов Инда и от Черного моря до Персидского залива. И Артемиды не смогла спасти свой храм, потому что помогла появиться на свет младенцу Александру (21 июля 356 г. до н. э. — 11 июня 323 г. до н. э.).

³ Античность знала семь чудес света, и одно из них — храм Артемиды Эфесской. Но не тот, что сожжен Геростратом, а другой, более величественный, построенный на его месте. «Восьмое чудо света» — оговорка. Так для похвалы можно сказать только о том, что заведомо не входит в заветную семерку, напр.: «Асуанская плотина — восьмое чудо света».

Но в день моего рождения⁴ никто ничего не сжег, насколько мне известно. Может быть, впрочем, горели плошки — электричества тогда еще не было, потому что это была новогодняя ночь, так. Это была новогодняя ночь, и в мир родился год 1878-й. Какова общая обстановка этого дня, рождения этого года? Вот такая: мы заканчивали войну русско-турецкую. В феврале 1878 года был заключен Сан-Стефанский мир, за который осуждали императора Александра II, потому что мы были в 18 километрах от Константинополя. Мы без всякого затруднения могли взять Константинополь и водрузить крест на Аие-Софии, чего некоторые неумеренные патриоты желали. Но Александр II воевал не за такое внешнее торжество, а за освобождение угнетаемых турками славян⁵. (*Пауза в записи.*)

⁴ 1 (13) января 1878 г., день Василия Великого по церковному календарю.

⁵ Мирный договор, подписанный между Российской и Османской империями 19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано, западном пригороде Константинополя, завершил русско-турецкую войну, объявленную Россией Турции 12 (24) апреля 1877 г. По этому договору независимыми стали Сербия, Черногория и Румыния. Создавалось новое суверенное славянское государство — Болгария. 3 марта здесь ежегодно празднуют День освобождения от османского ига. Аие-София (Святая София) — патриарший православный собор, построенный в центре Константинополя, рядом с императорским дворцом, символ «золотого века» Византии. Более тысячи лет, вплоть до сооружения собора святого Петра в Риме, оставался самым большим храмом в христианском мире. В 1453 г., после захвата Константинополя османами, был обращен в мечеть. С 1935 г. в статусе музея.

В. Д.: Да, Александр Васильевич (*оговорка. Надо: Василий Витальевич*), чьи вы стихи процитировали?

В. Ш.: Надсона, кажется.

В. Д.: Точно не помните?

В. Ш.: Точно не помню.

В. Д.: Ну, продолжайте.

В. Ш.: Значит, на чем там мы остановились?

В. Д.: Вы сказали, что Александр II преследовал не цель эффектно водрузить крест на Святой Софии, а освобождение славян от турецкого ига.

В. Ш.: Да. То обстоятельство, что я родился именно в это время, имело своим последствием, что всю жизнь я чуждался вот таких эффектных жестов. Я всегда думал только об одном: не о том, чтобы поставить крест на Аие-Софии, а о том, чтобы христианское понимание креста возглавило мир, то есть о мире во всем мире. Как мне кажется, человек, если он истинный христианин, ни о чем другом мечтать не может.

Теперь, оставивши высокие материи, перейдем к более простому изложению маленького события, то есть моего рождения в ночь на 1 января 1878 года на улице Шулявской, номер пять⁶.

⁶ Этот одноэтажный особняк, 5 / 1, на углу Шулявской улицы (о ней ниже) и Кузнечной (с 2005 г. ул. Антоновича) был одним из трех, построенных отцом В. В. Шульгина, Виталием Яковлевичем Шульгиным, на участке (немногом более четырех десятых гектара), который даром выделил ему университет на близлежащем пустыре (*Шульгин В. В.* Тени, которые проходят / сост. и предисл. Р. Г. Красиокова. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 35). Два других особняка он построил для родителей жены (на Шулявской) и для своих родителей (на Кузнечной).

В. Д.: В городе каком?

В. Ш.: В городе Киеве, достаточно старом, надо думать, сейчас уже прожившем тысячу лет⁷. Улица Шулявская называлась так потому, что она выводила на предместье города — Шулявку. Сейчас эта местность совершенно слилась уже с самим городом. Там находится, между прочим, Политехнический институт. Шулявка⁸ была переименована в улицу Караваевскую, так названную в честь уважаемого в Киеве врача Караваева⁹, но и это название не удержалось. Теперь она называется улицей Льва Толстого¹⁰. Вот какое отношение имеет Лев Толстой к этой улице, может знать только тот, кто помнит еще кое-что.

⁷ Древнейшее датированное упоминание о Киеве приведено в «Повести временных лет» под 862 г. От этой даты традиционно и отсчитывался возраст города, которому, таким образом, во второй половине XX в. набежала даже не тысяча лет, а тысяча сто. Но в 1982 г., уже после смерти Шульгина, официально праздновалось 1500-летие Киева. Основанием для этого торжества стала датировка археологического культурного слоя на Замковой горе (историческом холме в центре города) концом V – началом VI в. по обнаруженным здесь византийским монетам Анастасия I (491–518) и Юстиниана I (527–565).

⁸ Имеется в виду Шулявская улица, которая сформировалась как южная граница Ботанического сада. Это свое имя она получила в 1861 г.

⁹ Владимир Афанасьевич Караваев (1811–1892) – хирург и офтальмолог, профессор и один из основателей медицинского факультета Киевского университета святого Владимира – постоянно жил на Шулявской улице. В 1891 г. отмечалось 50-летие его преподавательской и научной деятельности, и улица была переименована в Караваевскую.

¹⁰ Толстовской (в честь учения Льва Толстого) Караваевская улица была названа в октябре 1920 г. по инициативе «Общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого», которое базировалось в 1919–1922 гг. при Библиотеке-читальне имени Л. Н. Толстого (Караваевская ул., 23). В 1926 г. Толстовскую улицу переименовали в улицу Толстого, а в 1944 г. – в улицу Льва Толстого.

Через несколько домов от нашего дома, был дом, где проживала Кузминская. Кузминская — это героиня Льва Толстого, эта самая знаменитая Наташа¹¹. В то время она уж, конечно, была немолодой. Я был знаком хорошо с ее сыном, Михаилом Кузминским, студентом¹². Я мог там побывать, мог с ней познакомиться, но я по глупости и по какой-то такой смешной гордости не желал знакомиться с знаменитостями. Так и [не познакомился]... Но вот связь эта с Львом Толстым только этим и может быть объяснена.

¹¹ Татьяна Андреевна Кузминская, рожденная Берс (1846–1925), была свояченицей Л. Н. Толстого, младшей сестрой его жены Софьи Андреевны. Писала рассказы и автобиографические повести. Посмертно вышла ее книга «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Рецензент С. Борисов начал заметку о ней словами: «Наташа Ростова сошла со страниц “Войны и мира” и написала воспоминания» (Новый мир, 1925. № 4. С. 160). В Киеве семья Кузминских жила на Шулявской улице в доме 9. У них и остановился Толстой на те три дня, которые провел в Киеве (14–16 июня 1879 г.).

¹² Михаил Александрович Кузминский (1875–1938) учился в Киевском университете святого Владимира вместе с Шульгиным. Окончил юридический факультет в 1899 г. В предреволюционные годы состоял судебным следователем по особо важным делам в Таганрогском окружном суде. В Гражданской войне участвовал на стороне белых – в Вооруженных силах Юга России и Русской Армии П. Н. Врангеля. В эмиграции жил в Германии. Умер в Берлине, похоронен на кладбище Тегель.

В. Д.: Так...

(*Перерыв в записи.*)

В. Ш.: Значит, был Новый год. Можно сказать, что я испортил своим родителям Новый год, но не совсем. Дело в том, что Новый год в то время сопровождался бесчисленными визитами, которые были крайне утомительными. И потому мое рождение избавило Виталия Яковлевича, моего отца, от необходимости ездить с этими утомительными и, в сущности, ненужными новогодними визитами¹³.

¹³ В. Я. Шульгин (1822–1878) – историк, педагог, публицист. Выпускник философского факультета Киевского университета святого Владимира (1838–1842). Преподаватель истории (1846–1871) и инспектор, т. е. руководитель научного образования (с 1849 г.), в Киевском институте благородных девиц, параллельно адъюнкт (с того же 1849 г.), а затем экстраординарный профессор по кафедре всеобщей истории в альма-матер (1858–1863), автор учебников по истории древнего мира, средних веков и новых времен для воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений (1856–1862). Основатель, а также редактор и издатель частной литературной и политической газеты Юго-Западного края «Киевлянин» на протяжении четырнадцати с половиной лет (1864–1878). Гласный Киевской городской думы (1870–1878). Действительный статский советник (1862). Умер за неделю до того, как сыну должен был исполниться год.

В. Д.: Повторите имя-отчество. Имя-отчество повторите. Виталия?..

В. Ш.: Яковлевича, Виталия Яковлевича. С другой стороны, и мою мать избавило от необходимости принимать бесчисленных визитеров. Принят был только известный врач в Киеве профессор Меринг. Меринг оставил о себе память в Киеве: он купил за бесценок великолепную усадьбу. По этой усадьбе сейчас проходит лучшая улица Киева, называвшаяся раньше Николаевская, а сейчас, кажется, Третьего Интернационала. Киев — город гористый, и вот между этими горами, обрывами бывали озера. Местность была необычайно живописная. Но, как это часто бывает, наследники Меринга, которые уже родились среди известной роскоши, были люди bestолоковые. Они эту усадьбу, что называется, разбазарили: она перешла к городу и пошла уже другим путем¹⁴. Затем, конечно, <нрзб> 2 января: это был день дамских визитов, совершенно это неинтересно. А потом жизнь протекла дальше, а я перейду к рассказу о своих родителях, потому что Виталий Яковлевич был человек не только известный в Киеве, но вообще во многих отношениях примечательный.

¹⁴ Фридрих Фридрихович Меринг (1822–1887), доктор медицины по аттестации Лейпцигского и Дерптского университетов, в 1857 г. стал профессором частной патологии и терапии на медицинском факультете Киевского университета святого Владимира. С 1865 г. руководил факультетской терапевтической клиникой. На деньги от частной практики приобрел несколько земельных участков. Объединив их, стал владельцем обширной усадьбы в самом центре Киева. Здесь был парк, сад, пруд, купальня, оранжереи, огород и пр. Зимой на пруду устраивался общественный каток. Горожане называли усадьбу Меринговским садом. Наследники Меринга продали его под застройку. Она велась с формированием новых улиц, среди которых появилась и Николаевская (с 1919 г. ул. Карла Маркса, с 1996 г. ул. Архитектора Городецкого). Эта улица пролегает от Крещатика до площади на месте засыпанного пруда. При застройке площадь, как и улица, получила название Николаевской. Теперь это площадь Ивана Франка. В книге «Три столицы» (1925) правильно замечено, что улица Коминтерна (Третьего Интернационала) – это бывшая Безаковская *Шульгин В. В.* 1920 год: очерки; Три столицы / сост., вступ. ст., коммент. и примеч. А. В. Репникова. М.: Посев, 2016. С. 361). Она соединяла Бибиковский бульвар с Вокзальной площадью и поэтому в 1869 г. была названа по фамилии Киевского генерал-губернатора А. П. Безака, при котором было открыто движение на Курско-Киевской железной дороге. С 2009 г. это улица Симона Петлюры.

О родителях

Он окончил лицей в Нежине, который до этого был окончен Гоголем¹⁵. После этого он поступил в Киевский университет, кончил его и вышел в профессора как историк. Он, по отзывам всех, кто его слышал, а я еще от них вживую слушал повесть о нем, отличался исключительным ораторским талантом, так что на его лекции собирались студенты всех факультетов. Аудитория была переполнена. (*В сторону*.) Вы хотите...

¹⁵ Гимназия высших наук в Нежине, в которой учился Н. В. Гоголь (1821–1828), в 1832 г. была преобразована в Нежинский физико-математический лицей, где, помимо математики, физики, химии и технологии, изучались русская словесность, естественная история, русская история со статистикой, французская и немецкая литературы. В. Я. Шульгин, родившийся в 1822 г., не мог окончить ни то, ни другое учебное заведение, а мог лишь недолго там проучиться. Но и эта осторожная догадка не находит надежного подтверждения. Так, в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884)» (Киев: В тип. Императ. ун-та св. Владимира, 1884) читаем: «Первые подготовительные шаги к образованию Шульгина получил в пансионе профессора философии Киевской духовной академии Карпова. <...> В 1833 г., на одиннадцатом году жизни, он стал посещать Киевскую 1-ю гимназию» (с. 96). А окончил ее не позже 1838 г., когда поступил в университет.

(*Перерыв в записи.*)

Одновременно Виталий Яковлевич был в должности так называемого инспектора Института благородных девиц, где воспитывалась моя мать¹⁶. Там в те времена были несколько другие нравы. На его лекции в Институте собирались всякие лица именитые: генерал-губернатор, губернатор, с семьями. Садилась рядом с институточками в белых пелеринках и слушали речь Виталия Яковлевича. Много позже, много, я встретился уже в Петербурге, уже когда я был членом Государственной Думы¹⁷, с одной старушкой, которая пришла слушать какую-то мою лекцию. По окончании этого она подошла ко мне и сказала: «Знаете что, я хорошо знала вашу мать и вашего отца, приезжайте ко мне, пожалуйста, я живу в Смольном». (Точка.)¹⁸

¹⁶ Мария Константиновна Попова, в первом замужестве Шульгина, во втором Пихно (1844–1883). Воспитанница Киевского института благородных девиц (1856–1862). Вышла за В. Я. Шульгина «примерно в 1862 или 1863 году» (*Шульгин В. В.* Тени, которые проходят. С. 80), после его смерти, с 1880 г., жена Дмитрия Ивановича Пихно. Первый муж был старше ее на 22 года, второй – моложе на 9 лет. Мать старших сестер В. В. Шульгина – Павлы (Паулины) Витальевны, ставшей после смерти матери женой отчима, по фиктивному мужу Могилевской (1864–1945), и Аллы Витальевны, в замужестве Билимович (1874–1930), а также младших братьев В. В. Шульгина – Павла Дмитриевича (1880–1919) и Дмитрия Дмитриевича Пихно (1883–1920). Издательница газеты «Киевлянин» (1878–1883). Внучка Аллы Витальевны Шульгиной-Билимович и, значит, внучатая племянница В. В. Шульгина, Ольга Матич (р. 1940), русская американка из семьи старых эмигрантов, литературовед и культуролог, профессор славистики Калифорнийского университета в Беркли, сообщает: «Василий» В-итальевич» был сыном Д. И. Пихно, хотя официально его отцом был В. Я. Шульгин <...> Он умер в первый год жизни «сына», который родился здоровым, несмотря на то что мать, узнав, что ждет ребенка не от мужа, бросилась в пруд. По семейным рассказам, Виталий Яковлевич ее простил» (*Матич Ольга*. Записки русской американки: семейные хроники и случайные встречи. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 46).

¹⁷ Шульгин был депутатом II–IV Государственных дум (1907–1917).

¹⁸ Очевидно, сработала привычка диктовать под запись.

Надо сказать, что Виталий Яковлевич умер 25 декабря 78-го года, то есть когда мне еще не было и одного года, так что я его абсолютно не знал лично, поэтому мне очень интересно было послушать о нем эту даму, которая хорошо знала. И вот что она мне рассказала. Я пришел в Смольный. Она жила тут уже на покое, она не вышла замуж. На всю жизнь она осталась при институте: сначала была при Киевском, потом перешла в Петербург. (*Пауза*.) Вот она начала мне рассказывать: «Вы знаете, ваш отец был совершенно замечательный человек потому, что он был до крайности наивен. Институтки высших классов поголовно его обожали, называли его — Солнце! Иначе не называли. Он об этом не имел ни малейшего представления».

(*Перерыв в записи.*)

Он раньше еще потерял своего старшего брата, который умер раньше¹⁹. И вот он принял вдову и своих племянников и племянниц и всецело отдался этому делу²⁰. Никакой любви он не знал, кроме вот этой совершенно платонической любви к этой вот вдове. «И вот, — продолжает эта самая бывшая институтка, — мы-то были просто помешаны. И однажды я решила: „Что б там ни было: губернатор, генерал-губернатор, — все равно я брошусь перед ним на колени!“» А я спросил: «И что ж, удалось вам?» — «Нет!» — «Почему?» — «Да потому что он так говорил (он говорил в этот день о Французской революции), что я заслушалась. И когда вдруг прозвонил звонок, так что уж нельзя было бросаться на колени. (*Дувакин посмеивается*.) Так вот это самое Солнце, наивное Солнце, читало лекции и не знало о той любви молоденьких совершенно девушек, которая его окружала. Но когда ваша матушка, Мария Константиновна, кончила институт, кончила блестяще, с шифром — это высшая награда²¹, она... Вы знаете, что она сделала?» Я говорю (*с улыбочкой*): «Кажется, что знаю. Она вышла замуж за Виталия Яковлевича»²². — «Да! Это да! Но как она посмела?! Я была двумя классами младше ее. Как она посмела? Ну и что, ну да, мы все знали: Мария хорошенкая, да, хорошенкая Мари, да, кончила с шифром. Но посягнуть на Солнце! Это было возмутительно. А в институте училась еще совсем маленькая институтка, племянница Виталия Яковлевича. И когда на вот этих... можно было ее расспросить это, мы, конечно, страшно любопытствовали: Ну, как там, как там Солнце и Мари? Она рассказывала, что тетенька называет дяденьку Мишкой. „Почему ж Мишкой, когда он Виталий?“ — „А потому что он как медведь, такой неловкий, и тетенька говорит: „А, Мишенька, потанцуй!“ — „И что?“ (*Дувакин смеется*.) „И Мишенька танцует“. Конечно, мы были возмущены до крайности». Вот так...

¹⁹ Старший брат В. Я. Шульгина – Николай Яковлевич Шульгин (ок. 1818–1857) – окончил Нежинский лицей, в котором младший брат мог лишь начать учебу. В 1836 г. был определен на службу в канцелярию главы Юго-Западного края (Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора), откуда уволился через 20 лет в чине коллежского советника по болезни за несколько месяцев до смерти от туберкулеза. Последняя должность – чиновник особых поручений. Готовил доклады генерал-губернатору по текущим имущественным, административным, судебным и церковным делам, а также заведовал секретной частью канцелярии. Вместе с женой Марией Евстафьевной, сыном Яковом (р. 1851) и дочерьми Надеждой (р. 1848), Александрой (р. 1852) и Верой (р. 1855) жил в доме брата.

²⁰ Т. е. просто оставил их у себя, когда они осиротели. По-видимому, В. Я. Шульгин был неравнодушен к своей невестке. Подтверждение этой догадки находим даже в некрологе о В. Я. Шульгине, помещенном в официальном издании Киевского университета святого Владимира: «Соорудив памятник на ее могиле, он приказал сделать с него модель, поставил ее в своем кабинете и днем, и ночью то и дело ходил около этой модели, смотрел на нее и заливался слезами!..» (Виталий Яковлевич Шульгин: некролог // Университетские известия. 1879. № 2. С. 18).

²¹ Шифр, который получали лучшие выпускницы Киевского института благородных девиц, – это золотой металлический вензель императрицы под императорской короной на банте с белыми и голубыми полосками. Носился на левом плече. М. К. Львова окончила Институт в 1862 г. с шифром большого размера. Такой же шифр вместе с ней получила Мальвина Жуковская. И еще две выпускницы Аделаида Харченко и Антонина Алексеева получили шифры малого размера. Помимо шифров, для выпускниц были и другие награды: золотые и серебряные медали большого и малого размеров и книги с похвальными листами.

²² В воспоминаниях, которые Шульгин продиктовал своему другу, капитану второго ранга и генеалогу Р. Г. Красюкову (о нем ниже), мемуарист уточняет: «<...> Виталий Яковлевич в начале шестидесятых годов женился на моей матери, вернее, Мария Константиновна сама женила его <...>» (Шульгин В. В. Тени, которые проходят. С. 35).

В. Д.: Такой образ отца.

В. Ш.: Мои родители. Затем вот что случилось. Виталий Яковлевич, краса университета как оратор, написал... запоздал с докторской диссертацией, но наконец ее написал. Передал в Университетский совет, и Совет университета присудил ему докторское звание, но он узнал, хотя голосование было тайное, что он прошел голосами не историков, а других там — математиков, медиков... И он отказался принять докторское звание, сказавши, что эти лица не компетентны в истории. Компетентны те, которые голосовали против него. И ушел из университета. А это стало известно в Петербурге, и министр просвещения²³ своей властью предложил ему, это называется — *honoris causa*²⁴ — этот самый докторский диплом, но он не принял его и из рук министра, написавши ему как по тому времени очень смелое письмо, и отказался. Зато он читал публичные лекции, которые имели громадный успех.

²³ «<...> кажется, Головин <...>» — уточняет Шульгин в воспоминаниях, продиктованных Р. Г. Красюкову (Шульгин В. В. Тени, которые проходят. С. 34). В 1863 г., когда В. Я. Шульгин вышел из университета, пробыв на должности сначала адъюнкта, а затем экстраординарного профессора 13 лет, министром просвещения действительно был Александр Васильевич Головин (1821–1886), занимавший этот пост в 1861–1866 гг. В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884)» под редакцией ординарного проф. В. С. Иконникова история с докторской степенью изложена несколько иначе: «Тогда только что применялся новый университетский устав, по которому для получения профессорской кафедры безусловно требовалась докторская степень. Шульгин, как мы видели, не успел еще приобрести эту степень. Но тот же устав предоставлял университету и право обойти это препятствие в уважительном случае. Экзамена для докторской степени уже не требовалось, как прежде; обязательное же предоставление диссертации от лица, с успехом занимавшего кафедру в течение 13 лет, казалось одной только формальностью. Всем, сколько-нибудь знавшим Шульгина, очень хорошо были известны причины, возбранившие ему своевременно получить докторскую степень. Ввиду таких веских соображений, университетский совет значительным большинством решил поднести В. Я. Шульгину докторский диплом, устраняя таким образом единственное, казалось, препятствие к желательному возвращению Шульгина на кафедру. Но не все оставшиеся члены факультета разделяли это воззрение. Ввиду такого обстоятельства, историко-филологический факультет опротестовал постановление университетского Совета... Чувствуя, какие неприятности готовило ему вступление при таких условиях в среду факультета, Шульгин отослал поднесенный ему диплом в министерство. Тогдашний министр народного просвещения отвечал Шульгину письмом в высшей степени вежливым, полным признания ученых заслуг его; но дело дальнейшего хода не получило» (с. 771).

²⁴ *Honoris causa* (лат. «ради почета») — почетная докторская степень, присуждаемая без защиты диссертации как жест субъективного признания научных или общественных заслуг номинанта.

В.Я. Шульгин. Источник: ru.wikipedia.org

И затем появилась совершенная необходимость в Киеве русской газеты. Надо сказать, что в то время Киев еще был очень полонизован. Русской интеллигенции было мало. И было предложено вот Виталию Яковлевичу, который был свободен от университетских своих обязанностей... предложили ему стать редактором газеты, которая была названа «Киевлянин», с субсидией, маленькой субсидией шесть тысяч рублей в год²⁵. Он это принял, и в 1864 году вышел новый «Киевлянин», первый. В передовой статье... Она начиналась так: «Этот край русский, русский, русский...»²⁶ Почему понадобилось так энергично это высказать? Потому что только что кончилось польское восстание, последнее, которое утверждало, что Польшу... «от можа до можа», то есть от моря до моря²⁷ и этот край считало польским²⁸, вот почему. И это направление навсегда осталось за «Киевлянином», потому что когда борьба с Польшей кончилась за русскими, в том смысле, что уже нельзя было сомневаться, что это край не польский, выдвинулись другие претенденты, так называемые украинствующие. И точно так же «Киевлянин» уже под моим редакторством²⁹ боролся и с этим направлением, доказывая, что Малая Русь есть вообще основание всей России, это есть Мать городов русских, как еще сказал об этом Олег³⁰, и это свое звание она хранит и сейчас. И когда уже после революции, это в 1918 году, возникла мысль об украинском Учредительном собрании, и мы участвовали в выборах и претендентом на посла от Киева (Киев должен был иметь отдельного представителя) выставили меня, то я и прошел. Я — представитель города Киева, города русского, города Киева, каково звание, если хотите, ношу и сейчас, потому что больше выборов в украинское Учредительное собрание не было³¹.

²⁵ В первом номере газеты «Киевлянин» (от 1 июля 1864 г.) во «вступительном слове редакции», приведена эта цифра, но совсем не в качестве ежегодных субсидий: «<...> в феврале настоящего года, по ходатайству генерал-губернатора, правительство ассигновало 6000 рублей единовременного пособия на основание газеты» (с. 1). Тем не менее ежегодную субсидию в размере единовременного пособия газета получала почти 20 лет. И лишь в 1882 г. тогдашняя издательница, вдова В. Я. Шульгина, М. К. Пихно отказалась от государственной опеки, которая делала газету уязвимой для ударов со стороны конкурентов.

²⁶ В первом номере «Киевлянина» этих слов нет. Со ссылкой на газету И. С. Аксакова «День» они приводились в объявлении о задачах будущей киевской газеты, — объявлении, «обнародованном в апреле» (там же), т. е. более чем за два месяца до выхода первого номера.

²⁷ *Polska od morza do morza* (в рус. транскрипции: Польша от можа до можа; в пер.: Польша от моря до моря) — идеологическая установка на объединение славянских народов под началом Польши от Балтийского моря до Черного. Подкреплялась памятью о прошлом величии Польши в составе Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.).

- ²⁸ Это Польское восстание 1863–1864 гг. в Царстве Польском, Северо-Западном крае и на Волыни, т. е. на землях бывшей Речи Посполитой, отошедших к Российской империи. Было направлено на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. Началось 10 (22) января 1863 г. и продолжалось до 6 (18) июня 1864 г. Закончилось поражением.
- ²⁹ Шульгин был редактором газеты:
с 27 сентября по 31 декабря 1913 г. (№ 266–359);
с 1 января по 5 марта и с 5 июня по 10 июля 1914 г. (№ 1–64, 153–188);
со 2 по 29 сентября и с 17 по 31 декабря 1916 г. (№ 243–270, 349–361);
с 1 по 7 января, с 25 января по 4 февраля, с 11 июля по 6 августа, с 23 августа по 1 октября и с 12 октября по 31 декабря 1917 г. (№ 1–7, 25–35, 164–187, 199–229, 238–286);
с 1 января по 25 февраля 1918 г. (№ 1–16);
с 21 августа по 3 декабря 1919 г. (№ 1–83).
- ³⁰ «В льто 6390. <...> И съде Олегъ, княжа в Киевѣ, и рече Олегъ: “Се буди мати городом русскимъ”. Перевод: «В год 6390 (882). <...> И сел Олег княжить в Киевѣ, и сказал Олег: “Да будет это мать городам русским”» (Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII вв. / предисл. Д. С. Лихачева. СПб.: Наука, 2000. С. 76–79).
- ³¹ Идея Всенародного украинского собрания была изложена в I Универсале Центральной рады Украинской народной республики, изданном 10 июня 1917 г. Оно должно было стать законодательным органом УНР вместо Центральной рады. 7 ноября в III Универсале выборы были назначены на 27 декабря 1917 г. и проводились на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования из расчета: один депутат от 100 тысяч населения. Предстояло избрать 301 депутата с тем, чтобы они начали работу уже 9 января 1918 г. Но выборы прошли только в неоккупированных районах Украины, и был избран всего 171 депутат. Доизбрать остальных до ликвидации УНР в апреле не удалось, и Украинское учредительное собрание так и не было создано.

Может быть, минуточку остановиться?

(Пауза в записи.)

Первые воспоминания

Теперь я перехожу к первому воспоминанию, сохранившемуся у меня в детстве. Почему оно имеет некоторое значение? Потому что оно тоже как-то как будто что-то предвещало в будущем. Тогда мне было четыре года. Мы жили на так называемой Нивке. Это была дача по шоссе этому Киево-Брестскому, теперь называемому Львовским, где мы проводили лето. И вот я помню, что я, вырвавшись из-под надзора няни, выбежал из дачи и стоял около забора, с которого было видно шоссе. Что же представляло шоссе? Шоссе я увидел в таком виде: грозную багровую тучу. Это была туча пыли, которая была поднята войсками. Это был восход солнца, войска возвращались с очень раннего учения, подняли страшную пыль. Там шла пехота, там шла кавалерия, там шла артиллерия — словом, такая боевая картина, крайне страшная, багровая, как бы цвета крови, — из этой страшной тучи слышались звуки, очевидно, кавалерийской музыки, которая наиболее резкая, они что-то играли. И вот я это запомнил на всю жизнь. Это была батальная картина, картина как будто бы шла война. Никакой войны тогда не было! Но так это у меня отразилось, и вся моя жизнь, девяносто пяти лет приближающиеся, прошла под знаком войн.

И родился я при окончании войны, потом пошла война японская, потом пошла война с немцами, потом была Гражданская война, потом опять война с немцами — и вечно я жил под этим знаком.

Вот почему я помню это первое детское впечатление³².

³² В воспоминаниях «Тени, которые проходят» этот эпизод описан с добавлением, что в «местечко» Нивка «ездили на рысаках». Там же есть продолжение: «Однажды с няней иду по улице. Подходит цыганка и, указав на меня пальцем, говорит: “Будет министром”. Может, она всем так говорила?» (Шульгин В. В. Тени, которые проходят. С. 25).
Нивка (привычнее Нивки) – историческая местность и дачная зона, в частности с одноименным хутором. С 1923 г. в черте города Брест-Литовское шоссе сформировалось на пути из Киева в Брест-Литовск (ныне Брест в Беларуси). Ответвлением этого шоссе была дорога на Житомир и Львов. Львовская улица в 1925–1929 гг. носила имя Льва Троцкого, затем Артема (Сергеева), с 2015г. – улица Сечевых Стрельцов.

Затем опять перерыв — ничего не помню, кроме сцены: бабушка³³, бабушка сидела в кресле, положив ноги на скамейку, а мы около нее собрались. Собрались именно как осиротевшие птенцы: только что была получена телеграмма, что моя мать умерла во Франции. У нее была чахотка, ее отвезли туда, и она там лечилась в Ментоне³⁴, но было или слишком поздно, но она там скончалась.

³³ Это бабушка Шульгина по материнской линии – Полина (Павла) Михайловна Попова, в девичестве Данилевская. См. далее.

³⁴ Ментона – курортный город на юго-востоке Франции, на Лазурном берегу Средиземного моря, в 30 км от Ниццы.

В. Д.: Ментони?

В. Ш.: Ментона.

В. Д.: Это что это?

В. Ш.: Город.

В. Д.: Ах, в Ментоне! Я думал — фамилия.

В. Ш.: Да. И вот, горестно как-то прижавшись к бабушке, хотя мы не очень понимали, что произошло.

В. Д.: А сколько лет?

В. Ш.: Мне было тогда пять лет, а эти братья³⁵ были меньше. Вот только, конечно, старшая сестра, [старше] меня на четыре года³⁶, та уже понимала, а еще старшая сестра была там в Ментоне, при матери. Впоследствии гроб пришел в Киев, и похоронили маму на так называемом Байковом кладбище³⁷, поставили пышный памятник белого мрамора на черном постаменте и ангела из мрамора, державшего крест. И медальон там ее был белого мрамора. Этот памятник еще недавно стоял там³⁸.

³⁵ Трехлетний Павел и годовалый Дмитрий Пихно.

³⁶ Речь об Алле Шульгиной.

³⁷ Речь о 19-летней Павле Шульгиной.

³⁸ Байковое кладбище – одно из старейших и самое престижное в Киеве.

³⁹ На фотоснимке, сделанном в 2011 г. на Байковом кладбище, виден надгробный памятник Марии Константиновне Пихно из темного камня с белым скульптурным портретом в белом же овальном медальоне. Ангел из мрамора с крестом отсутствует (см.: *Матич Ольга*. Записки русской американки: семейные хроники и случайные встречи. С. 71).

Таким образом, мать я знал очень мало, но все-таки помнил ее. Мне помнится следующее. Перед старинным зеркалом, длинным таким, по утрам надевши такой так называемый пудермантель⁴⁰, то есть такой...

⁴⁰ Пудермантель (из нем.) – накидка для защиты одежды, когда пудрили лицо или прическу.

В. Д.: Белый...

В. Ш.: ...белый халат, мама причесывалась. И мне записывалось, хотя мне было тогда... не было пяти лет, мне запомнился цвет ее волос: они были такие черные, что отливали синим. И так уже было заведено: в то время когда она причесывалась, она меня обучала басням Крылова. И все басни, которые я знаю, я знаю еще с той поры.

В. Д.: Черные?

В. Ш.: Что?

В. Д.: Черные волосы?

В. Ш.: У нее — да.

В. Д.: У мамы?

В. Ш.: Да.

В. Д.: А она была украинка? Русские редко бывают черными!

В. Ш.: Да нет, как же так! Она была... Бабушка была урожденная Данилевская, бабушка.

В. Д. (С удивлением): Данилевская?

В. Ш.: Данилевская.

В. Д.: Ой, меня это особо интересует.

В. Ш.: Да, она была урожденная Данилевская, и у нее был совершенно южный тип, у матери.

В. Д.: Бабушка — мать матери?

В. Ш.: Мать матери⁴¹.

⁴¹ «От Данилевских у моей матери, а твоей бабушки, – писал Шульгин Ольге Матич, своей, напомним, внучатой племяннице, 8 мая 1968 г., – были густые черные волосы и южные глаза, а бабушка Полина Михайловна имела тонкие аристократические черты, как видно на портретах, к сожалению, не сохранившихся» (Там же. С. 261). Впоследствии Шульгин продиктовал Р. Г. Краснокову: «Помню очень хороший портрет мамы с бабушкой. Бабушка сидит в кресле, а моя мама прильнула к ее груди. Портрет был дома» (*Шульгин В. В.* Тени, которые проходят. С. 36).

В. Д.: Вот ее вы и вспоминаете, что вы около нее сидели?

В. Ш.: Да, да, да. Да-да.

В. Д.: В каком отношении с писателем Данилевским?⁴²

⁴² Русский и украинский писатель Григорий Петрович Данилевский (1829–1890) – автор исторических романов «Мирович» (1879), «Княжна Тараканова» (1883), «Соженная Москва» (1886), «Черный год» (1888–1889) – в шестом колене был потомком (прапраправнуком) сотника (впоследствии судьи) Изюмского слободского казачьего полка Данилы Даниловича (1648–1719), бежавшего с Подолья от поляков на Слобожанщину. В его здешнем имении в июне 1709 года перед Полтавской битвой останавливался Петр I. Принадлежал ли муж Полины Михайловны Данилевской и его упомянутый ниже брат полковник Леонтий Михайлович Данилевский к этому дворянскому роду или к одному из девятнадцати других родов Данилевских, установить не удастся.

В. Ш.: Не знаю, это одна семья, но какое отношение к писателю — не знаю точно.

В. Д.: Надо ж, простите, не могу не перебить вас тут (*посмеивается*), что, когда я с вами знакомился, я вам сказал, что я вам уж признаюсь, хотя это, может, вас оттолкнет, — что я в основной своей жизни занимался поэтом Владимиром Маяковским⁴³.

⁴³ Дувакин был профессиональным собирателем, исследователем и популяризатором наследия Маяковского, начиная с 1931 г., когда был принят на работу в Государственный Литературный музей, и вплоть до увольнения с филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 1966 г. С 1939 г. работал над кандидатской диссертацией «Окна РОСТА В. В. Маяковского» (защищена в 1954 г.). Во всех 3-х Полных собраниях сочинений Маяковского (М., 1935–1938, 1939–1949, 1955–1961) составлял и комментировал тома с текстами «Окон Роста». Автор книг «Радость, мастером кованая: Очерки творчества В. В. Маяковского» (М.: Сов. писатель, 1964) и «Rostafenster: Majakowski als Dichter und bildender Künstler» (Dresden, 1967), 2-е изд. – 1975; 3-е изд. – 1980. Подготовил на спецсеминарах МГУ несколько поколений исследователей творчества поэта.

В. Ш.: Да, вы говорили.

В. Д.: Я говорил. Так вот — сюрприз! Оказывается, вы с ним родственники!

В. Ш.: Неужели?! Он поляк был, да?

В. Д.: Нет, он не был поляк!

В. Ш.: Нет?

В. Д.: Но Данил... его мать — урожденная Павленко⁴⁴...

⁴⁴ Мать Маяковского – Александра Алексеевна Маяковская (1867–1954) – была дочерью коренного украинца Алексея Ивановича Павленко (1838–1878), все родные которого говорили только по-украински, и выросшей в кубанской станице Евдокии Никаноровны Афанасьевой (1843–1902).

В. Ш.: Павленко.

В. Д.: Да. Там дальше — непосредственное родство: одна из его бабушек, Маяковского, — двоюродная сестра писателя Данилевского⁴⁵.

⁴⁵ Двоюродной сестрой Григория Петровича Данилевского была бабушка Маяковского по отцу – Ефросинья Осиповна Данилевская (1831–1894).

В. Ш.: Ну вот видите! (*Смеются*.)

В. Д.: Вот надо же, где сошлись!

В. Ш.: Да, вот.

В. Д.: Сейчас у меня тут... Ну, простите, больше не буду! (*Посмеивается*.) Значит, вы по бабушке, принадлежите — круг бабушки — матери матери...

В. Ш.: Да, Данилевской.

В. Д.: ...принадлежите к роду писателя Данилевского.

В. Ш.: Данилевского, да. Кроме бабушки у него был брат полковник Данилевский⁴⁶, тоже.

⁴⁶ Это брат отца бабушки, Полины Михайловны Данилевской. Ниже он назван поимени-отчеством: Леонтий Михайлович. Значит, прямым прадедом Шульгина по материнской линии был Михаил Михайлович Данилевский.

В. Д.: А Данилевские были южные, южно-русские помещики.

В. Ш.: Да.

В. Д.: Из Новороссии.

В. Ш.: А вот это я не знаю. Этот был Леонтий Михалыч, полковник в отставке. Причем как-то они так поженились, что я одновременно его дочери Машеньке Данилевской приходился племянником и дядей. И она мне — племянницей и теткой. Это потому что там...

В. Д.: Бывает так.

В. Ш.: ...какой-то брак произошел с Шульгинами.

В. Д.: Перекрестный.

В. Ш.: Да, да, жена... этого Леонтия Михайловича Данилевского была урожденная Шульгина, вот откуда это и пошло.

В. Д.: Интересно.

В. Ш.: Да.

В. Д. (*Посмеиваясь*): Вот где нашел.

Прага

В. Ш.: Ну вот, значит, следующие воспоминания мои детские уже будут о Праге. Мама вышла замуж за Дмитрия Ивановича Пихно⁴⁷, который и принял редакторство «Киевлянина». Он был сотрудником еще при Виталии Яковлевиче, тут он стал редактором, одновременно он был профессором политической экономии в Университете. Двадцать пять лет боролся с марксизмом, а в то время он писал докторскую диссертацию, и вся семья поэтому отправилась в Прагу.

⁴⁷ Д. И. Пихно (1853–1913) – отчим (а по семейному преданию, отец) В. В. Шульгина; сын деревенского мельника и неграмотной крестьянки; юрист, экономист, журналист, тайный советник (1913). Окончил Киевскую 2-ю гимназию и юридический факультет Киевского университета святого Владимира (1874). С 1877 г. приват-доцент, в 1882–1902 гг. профессор кафедры политической экономии и статистики Киевского университета. Подготовил докторскую диссертацию «Железнодорожные тарифы». С 1885 по 1888 г. чиновник для особых поручений Министерства финансов, занимался подготовкой выкупа государством коммерческих железных дорог. В 1879–1907 гг. редактор газеты «Киевлянин», возглавлял киевское отделение Союза русского народа. Член Государственного Совета по назначению Николая II (с 1907 г.). Автор работ по политической экономии и финансам. По словам В. В. Шульгина, на все политические события в стране он «смотрел его глазами» (*Бабков Д. И.* Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917–1939 гг.: диссертация кандидата исторических наук. 2008. С. 23).

В. Д.: Это ваш отчим?

Д.И. Пихно. Источник: ru.wikipedia.org

В. Ш.: Отчим. И там мы жили под Прагой, которое тогда называлось — это местечко Кёнигзаал, а как...по-немецки, а по-чешски не знаю⁴⁸. И вот я отлично уже помню это время. Там ходили пароходы в Прагу из этого Кёнигзаала. Там было четыре парохода. Из них я помню — «Рудольф» и какой-то еще другое название королевское, а «Марии Вечеры» не было⁴⁹. Мария Вечера — это было, знаете... Вообще австрийский дом преследовали несчастья, и вот тогдашний, этот...

⁴⁸ Kőnigsaal – по-немецки, а по-чешски: Збраслав. В прошлом город, с 1974 г. в составе Большой Праги:Прага-Збраслав. Расположен в месте впадения реки Бериунка во Влтаву, в 10 км к югу от центра Праги. Впервые письменно упоминается в 1115 г. как владение монастыря Кладруб. Сейчас в Збраславском монастыре экспонируется часть коллекции пражской картинной Национальной галереи.

⁴⁹ 30-летний кронпринц Австрии Рудольф (1858–1889), единственный сын императора Франца Иосифа I (1830–1916), с рождения наследник престола, последние два дня, с 28 по 30 января, провел в императорском охотничьем замке Майерлинг вместе со своей любовницей, 17-летней баронессой Марией Александриной фон Вечерой (1871–1889). 30 января их нашли мертвыми с простреленными головами. Было это самоубийство или замаскированное политическое убийство, остается до конца не проясненным.

В. Д.: Император.

В. Ш.: Нет... как его, наследник престола, вот с этой Вечерой, это... венгерка она была, покончил с собой.

В. Д.: Это старший брат Карла? Сын Франца Иосифа и старший брат Карла⁵⁰, который покончил?

⁵⁰ После смерти Рудольфа наследником престола стал его дядя, брат императора Франца Иосифа I – Карл Людвиг Австрийский (1833–1896), а затем сын последнего – эрцгерцог Франц Фердинанд (1863–1914), застреленный террористом в Сараеве. В итоге после смерти Франца Иосифа в 1916 г. империю наследовал его двоюродный внучатый племянник Карл I (1887–1922), продержавшийся у власти два года.

В. Ш.: Да. Но, конечно, меня это не интересовало, а вот пароходы-то меня интересовали. Я вечно бегал на набережную смотреть эти пароходы. Потом еще другой обязанностью моей было получать почту. Мы получали до востребования.

Ребенком я был очень живой. Все передвижения совершались бегом, причем, на палочке с хлыстиком, несмотря на то, что я тяжело болел, очень тяжело болел желудком. Несмотря на это я страшно много двигался. Потом я любил вообще эту речку, как она называлась, я не помню тогда — сейчас, кажется, она называется Влтава — и постоянно туда шатался, уходил куда-то далеко там по камням. (*Протяжно, возвышенно.*) И там я открыл закон плавания тел: именно, что... Я понял, что плавающее тело, если оно имеет форму, ну, например, парохода или кружки простой, оно меньше весит, чем вытесняемая вода, и поэтому плавает, а вот пластинка металлическая, если бросить, тонет. Это было открытие, вроде Архимедова «εῦρηκα!»⁵¹. (*Дувакин посмеивается.*) Там же, в этом месте, я перевернул какой-то тяжелый камень на ногу, никто мне не хотел верить, что я такой камень перевернул, но факт только, что большой палец на ноге треснул! Потом я там видел настоящую змею, от которой удирал. Потом я... там был паром, интересный паром, который ходил прямо течением, силой течения, быстро, он переходил на ту сторону и обратно. Я переправлялся туда и бродил по всяким горам, и болел, болел, болел, болел бесконечно. Доктора приказали мне есть только телячьи ножки. Три месяца я ел телячьи ножки: возненавидел их смертельно! (*Дувакин смеется.*) Ничего другого не давали! Ну вот, так было дело в Праге.

⁵¹ «Εῦρηκα!» (букв. «Нашел!») – легендарное восклицание Архимеда, воодушевленного открытием гидростатического закона («всякое тело при погружении в жидкость теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость»). Стало общеупотребительным для выражения радости при разрешении трудной задачи.

Прошло неопределенное количество лет. Громадное! Я снова был в Праге⁵². И вот уже с Марьей Дмитриевной, моей покойной женой⁵³, мы зашли как-то в какой-то ресторанчик. Там нам что-то такое подали, слово за слово, и вдруг оказалось, что хозяйка этой гостиницы — та самая няня, которая нянчила моего младшего брата, когда-то там мы были. Все это было — забавно, да? — и старушка ужасно плакала и вспоминала: «Все помню!» И спрашивала меня об этом брате моем, плакала, что вот его уже в живых нет⁵⁴. Так что это я перескочил уже бог знает куда, это уже было в эмиграции. Перехожу, значит, к временам более давним.

⁵² В этот раз Шульгин, по его словам на допросе 4 июня 1946 г., жил в Праге с весны до конца 1922 г. (см.: Тюремная одиссея Василия Шульгина: материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В. Г. Макарова, А. В. Репникова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова, А. В. Репникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010. С. 231–232).

⁵³ Мария Дмитриевна Шульгина (1901–1968), – дочь генерал-майора Дмитрия Михайловича Седельникова, в эмиграции проживавшего в Белграде, вторая жена Шульгина, с которой он обвенчался в русском православном храме сербского города Нови-Сада 21 сентября 1924 г. Мария Дмитриевна умерла за четыре с половиной года до этой беседы Дувакина с Шульгиным. Супруги похоронены в одной могиле на кладбище в Байгушах под Владимиром.

⁵⁴ Оба брата Шульгина были моложе его. Павел Пихно, старший из них, умер от сывяка в конце 1919 г. по дороге из Киева в Одессу, высаженный из поезда на какой-то станции. Дмитрий Пихно, арестованный Крымской ЧК в конце 1920 г., умер накануне расстрела от инфаркта.

В. Д.: Громче немножко.

Крым

В. Ш.: Я припоминаю Крым. Да. Я припоминаю Крым. Мы там проводили всей семьей какое-то лето. Я очень помню хорошо, как я научился плавать: просто бросился в воду и поплыл. Никто меня не учил. Потом, мой отчим любил удить рыбу на скалах. Никогда ничего не ловил, но в это время он писал свою диссертацию, а я что-то ловил там, да какой-то... такой каменный ящик, как-то море тут за... и там можно было поймать бычков. Это было около знаменитой Дивы, в Крыму, — скала, которая стоит у самого моря, очень красивая, называлась Дива⁵⁵.

⁵⁵ Дива – прибрежная скала на Южном берегу Крыма, вдающаяся в Черное море, высотой 51 м, с обрывистым южным склоном и смотровой площадкой на вершине. К ней по северному склону ведет крутая лестница, по которой можно подняться наверх за 10–15 минут.

В. Д.: Это в Симеизе?

В. Ш.: В Симеизе. А около нее стоял Монах. Но Монах впоследствии упал⁵⁶.

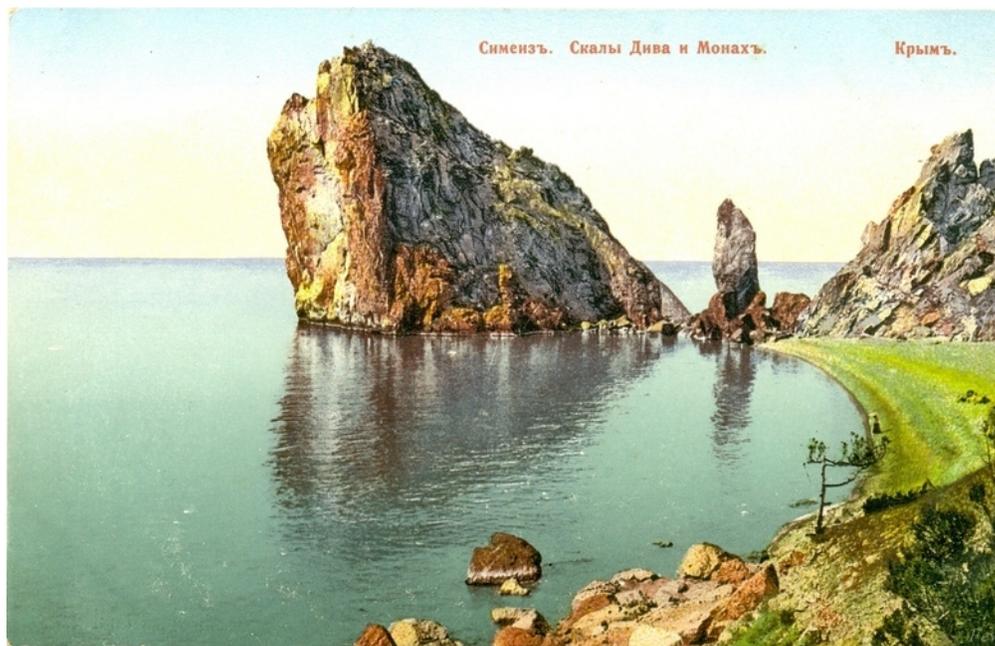
⁵⁶ Скала Монах покрылась глубокими трещинами от землетрясения в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г. и обрушилась под ударами штормовых волн 19 января 1931 г.

В. Д.: Да. А Дива треснула.

В. Ш.: Дива треснула, но стоит.

В. Д.: Да.

В. Ш.: Я постоянно бегал на эту самую вершину этой Дивы. Какая-то рыбка была, которая почему-то называлась серенький иностранец — совершенно не понимаю, почему.

Симеиз. Скалы Дива и Монах. Почтовая карточка. Источник: ru.wikipedia.org

Мы жили в так называемых вагонах, то есть это были домики в саду. Это принадлежало Мальцеву⁵⁷ — этот сад, большой сад, где были лавры, мирты. Вот такие совершенно похожие на вагоны домики, белые, из четырех комнаток маленьких,

и страшно дорогие: платили (я помню до сих пор) сто рублей в месяц. Там я занимался... конечно, у меня был перочинный ножик, который главным образом служил к изготовлению лука и стрел и непрерывно ранил руку, левую, так что у меня левая рука вечно была изрезана. И был там Ахмед, мальчик примерно моего возраста, который приносил обед, мы с ним дружили.

⁵⁷ Мальцевы (Мальцовы) – дворянско-промышленный род, четыре поколения которого с 1828 по 1920 г. были связаны с Симеизом: владели обширным имением, выращивали виноград, открыли винзавод, развивали курорт. К середине 1880-х гг., когда семья Пихно-Шульгиных отдыхала в Симеизе, здешним хозяйством занимался Сергей Иванович Мальцов (1810–1893) – генерал-майор в отставке, почетный член Общества содействия русской торговле и промышленности. При нем был построен т. н. Хрустальный дворец – двухэтажный дом, вместо дерева или кирпича забранный со всех сторон стеклянными рамами, и полтора десятка «вагончиков» – домиков из досок (от двух до четырех комнат) на каменном фундаменте с подведенным к ним водопроводом или фонтаном. И дворец, и вагончики сдавались в аренду отдыхающим. Наследники С. И. Мальцова – сын с женой и внук с женой – остались в Крыму, захваченном Красной армией, и были расстреляны в конце 1920 г.

В. Д.: А вам здесь лет десять?

В. Ш.: Не-ет! Моложе. Лет восемь. Вот это, значит, Крым, который я хорошо запомнил. Затем... *(Пауза в записи.)*

О родственниках отчима

Я помню хорошо так называемое село Ставки⁵⁸ Киевской губернии. Дмитрий Иванович [Пихно] был в этой семье — все они были, в общем, чигиринцы.

⁵⁸ Село Ставки находится в ста километрах западнее Киева. Ныне оно относится к Радомышльскому району Житомирской области. В 1928 г. Ставки были объединены с селом Миины и переименованы в Ленино (Леніне). Шульгин знал Ставки и под этим именем и даже побывал там в октябре 1960 г. Об этой поездке он дальше и расскажет.

В. Д.: Чигиринцы?

В. Ш.: Да. Из села Нестеровки. Там были...

В. Д.: А что значит «чигиринцы»?

В. Ш.: Город Чигирин.

В. Д.: Чигирин. Это где?

В. Ш.: Это...

В. Д.: Около Херсона что ли?

В. Ш.: В Киевской губернии⁵⁹. Они, чигиринцы, довольно известны, прежде всего потому, что чигиринцем был Богдан Хмельницкий⁶⁰. Кроме того, они вообще считали, что они особый народ. Так, существует такой анекдот. Где чигиринцы эти, а где Черное море — довольно далеко, но они все уходили на море: или в матросы, или же они там просто работали. И вот существует такой анекдот. Жара. Изгороди там, знаете, каменные такие, из обыкновенного камня. Лежит партия рабочих, предлагающаяся. Лежит на спине с голыми пятками, на которых написана цена мелом. *(Дувакин смеется.)* А подрядчик ищет как раз таких рабочих. И вот увидевши эти... ряд ног, кричит: «Людэ!» Никто не шевелится. «Людэ!» — ни малейшего внимания. Наконец он подходит и, конечно, покрыл матом, говорит: «Я ж до вас гукаю!» — «А кого вы гукаете?» — «Так кажу — людэ!» — «Мы не людэ» — «А кто ж вы таке?» — «Мы чигиринцы, чтоб вы знали». *(Усмехаются.)* Вот такое было понятие... Но очень... Если б это знать, то [Д. И. Пихно] анекдоту ужасно б рассердился бы, потому что у него никакого не было такого патриотизма чигиринского *(усмехается)*. Ну вот, так о чем же я хотел сказать? О чигиринцах... *(Пауза в записи.)*

⁵⁹ Ныне город Чигирин – центр Чигиринского района Черкасской области. Расположен на реке Тясмин, правом притоке Днепра, в 63 км от Черкасс.

⁶⁰ Считается, что Богдан (Зиновий-Богдан) Михайлович Хмельницкий (1595–1657) родился на хуторе Суботов (от названия речки Суба, впадающей здесь в Тясмин), в десятке километров от Чигирина. В Суботове по его плану и на его средства была построена каменная Ильинская церковь, в которой его и похоронили. На современной украинской банкноте номиналом 5 гривен помещен портрет Б. Хмельницкого и изображение Ильинской церкви. В 1638–1647 гг. Хмельницкий – чигиринский сотник реестрового казачьего войска, с 1648 г. – гетман Войска Запорожского. При нем, в 1649–1657 гг., Чигирин был резиденцией гетмана и столицей Гетманщины – казацких земель, на которые распространялась его власть.

Да, так вот был... да, их было четверо братьев. Николай Пихно, он окончил университет и собирался жениться, но тут поспорил со своей женой, то есть невестой, а тут подошла гроза, и он покончил с собой⁶¹. Второй... Последний брат, Алексей: рубили большой дуб, и дуб упал не на ту сторону, которую ожидали, и этого юношу восемнадцати лет убило⁶². Осталось два брата — Дмитрий Иванович и Василий Иванович. Их отец был Иван Игнатьевич⁶³. Надо вам сказать, что в те отдаленные времена там были люди выдающиеся, чигиринцы — Яхненко, Симиренко⁶⁴ и вот Пихно⁶⁵. Ну, Пихно не были выдающиеся, а Пихно служил у Яхненко⁶⁶. А Яхненко был большой человек. Он учредил — тогда банков не было — а он учредил такой банк. К нему приносили сбережения, и он платил проценты — старик Яхненко, а сына послал за границу. Тот кончил какую-то там агрономию, вернулся, отец умер, и он стал наново перестраивать имение. И тогда... вот старые служащие во главе с Пихно пришли и сказали, что он разорится, так здесь нельзя хозяйничать по-иностранному. Он их не послушал и разорился. А отец Дмитрия Ивановича, Иван Игнатьевич вышел в отставку и купил он себе маленький хуторок, где был млынок и ставок⁶⁷, то есть маленькая мельничка.

⁶¹ Чуть подробнее это предание Шульгин продиктовал Краснокову: «Сын Николай Иванович окончил юридический факультет Киевского университета, получил место и хотел жениться. Но случилось так, что он поспорил с невестой, и тут пришла страшная гроза, во время которой он покончил с собою, кажется, отравился» *(Шульгин В. В. Тени, которые проходят. С. 88).*

⁶² И это предание уже было записано: «Алексей Иванович погиб молодым, лет восемнадцати, когда рубили старый дуб. Дуб отомстил за себя, упал не на ту сторону, как ожидали, и смертельно ранил молодого Алексея» *(Там же).*

⁶³ И. И. Пихно – крестьянин, записанный впоследствии в мещане г. Чигирина. Приобрел хутор Нестеровка с водяной мельницей. Жена Авдотья Игнатьевна родила ему, кроме четырех упомянутых сыновей, еще трех дочерей. О них см. там же.

- ⁶⁴ Яхненки и Симиленки – выходцы из чигиринских крепостных; династии торговцев, промышленников и финансистов, породнившиеся после женитьбы Федора Степановича Симиленко (1780-е гг. – 1867) на дочери Михаила Степановича Яхненко – Анастасии. Между 1815 и 1820 гг. Федор Симиленко и братья Анастасии – Кондрат, Степан и Терентий Яхненко – основали торговый дом «Братья Яхненко и Симиленко». Начав с торговли зерном и мукой, они в 1832 г. удостоились звания купцов 1-й гильдии. Сосредоточившись затем на производстве сахара, открыли в 1843 г. первый в Российской империи паровой песочно-рафинадный завод в селе Ташлыке Черкасского уезда Киевской губернии, а следом в том же уезде, в селе Городище, – самый большой в Европе сахарный завод. И наконец по соседству, в селе Млиеве – машиностроительный завод, выпускавший оборудование для сахарного производства. Там же был построен первый пароход с металлическим корпусом «Украинец», перевозивший сахар по Днепру. На заводе работали четыре тысячи человек. Успешное хозяйство позволяло заниматься благотворительностью. При наследниках основателей фирмы производство постепенно приходит в упадок. В 1887 г. остановились сахарные заводы, а в следующем году фирма была ликвидирована. Внук Федора Симиленко – Левко (Лев) Платонович Симиленко (1855–1920) – помолог, т. е. ученый, занимающийся изучением сортов плодовых и ягодных растений, и садовод-практик, селекционер, один из основателей рационального садоводства в Российской империи. В 1880 г. описал и включил в каталог зимний сорт яблони, названный в честь отца «Ренет зеленый П. Ф. Симиленко». Яблоня неизвестного происхождения, дававшая эти плоды, была обнаружена в Платоновском саду, заложенном сахарозаводчиком, помологом и меценатом Платоном Федоровичем Симиленко (1821–1863) неподалеку от села Млиев Черкасского уезда.
- ⁶⁵ О происхождении этой фамилии Шульгин рассказывал: «Что такое фамилия Пихно? То же, что род Михно, а может быть, и недоброй памяти – Махно. Иван Андреевич Линиченко, бывший с 1896 года профессором истории Новороссийского университета в Одессе, сказал мне однажды следующее: – В львовской хронике XIV века, написанной по латыни, я случайно натолкнулся на такое указание: “Пихно и Михно, alias Petrus et Michaelus” (иначе Петр и Михаил). Таким образом, ваш отчим Дмитрий Иванович, надо думать, происходит, как и все Пихно, просто от какого-то Петра, переселившегося из Галичины на Чигиринщину» (*Шульгин В. В. Последний очевидец*. С. 127).
- ⁶⁶ Это Михаил Яхненко – выходец из городка Смела Черкасского уезда; кожевник и сапожник. Занявшись торговлей, выкупил из крепостничества всю свою семью. А сына Кондрата отправил учиться в Париж. И Федор Симиленко тоже учился в Париже. Из четырех основателей торгового дома только эти двое и были грамотными.
- ⁶⁷ Ставок (укр.) – пруд.

В. Д.: Ах, млынок.

В. Ш.: Млын — млынок. И вот эти братья, они росли под скромный шум этого млынка. Это привело к тому, что младший, Василий Иванович⁶⁸, он стал строить такую копию, маленькую. Семья была бедная, и ему негде было, так он залез под кровать, и он три месяца работал под кроватью⁶⁹. И оттуда когда он вылез, принес эту модель, то все ахнули: это была точная копия этого млынка со всеми... даже жернов он сделал из кирпича. А единственное орудие, которое у него было — песчинный ножик. И она молола, песок!⁷⁰

⁶⁸ В. И. Пихно родился в 1856 г. и был на три года моложе брата Дмитрия.

⁶⁹ Срок, по-видимому, условный, потому что Шульгин говорил и по-другому: «Работал он под кроватью восемь месяцев» (*Шульгин В. В. Тени, которые проходят*. С. 89).

⁷⁰ Шульгин сокрушался, что В. И. Пихно сделал меньше, чем обещал, но рад был отметить его успехи: «Таким образом, маленький Вася оказался вундеркиндом. Но так как из вундеркиндов редко что-нибудь выходит, когда они вырастают, то из Васи, когда он стал Василием Ивановичем, не вышло значительности. Впрочем, он изобрел новый плуг, который на Всемирной выставке в Чикаго был отмечен какой-то наградой. Но у нас он не пошел. Достоинство его было в том, что пахарь не ходил за плугом, а сидел на тележке, которую таскали две лошади, что избавляло его от утомительной и изнурительной работы. Но этот плуг был пригоден только для мелкой вспашки и, может быть, поэтому не привился» (Там же). Упомянутая здесь Всемирная выставка в Чикаго была посвящена 400-летию открытия Америки Колумбом и прошла в мае – октябре 1893 г. Ее посетил 21 млн. человек. В русском отделе были выставлены 1033 экспоната, среди них – несколько плугов.

В. Д.: Это вы рассказываете про братьев отчима?

В. Ш.: Да, про брата Василия Ивановича. И вот, значит, у него такая с детства была любовь к мельницам, вот, у Василия Ивановича. И она выразилась так, в маленьком виде. А такая же была любовь у Дмитрия Ивановича к мельницам! Но только скрытая, и это человек был большого масштаба. И когда он вышел в люди, то он построил на Волыни четыре вальцовых мельницы⁷¹. Вальцовых, громадных, пятиэтажных. И когда...

⁷¹ В Острожском уезде Волынской губернии у Д. И. Пихно и В. В. Шульгина были обширные имения в селах Агатовка и Курганы. По Рижскому договору между РСФСР и Польской республикой 1921 г. территория Острожского уезда вошла в состав Волынского воеводства Польши, и в эмиграции Шульгин регулярно получал доход от своих владений. Договор утратил силу 17 сентября 1939 г., когда Красная армия вступила в Польшу. Ныне Агатовка и Курганы входят в Ровенскую область Украины. Один из помощников Шульгина, впоследствии заслуженный артист России Николай Сергеевич Коншин (1954–2016), рассказывал, что за два года до смерти Шульгин побывал в Ровно и Агатовке, где привел в порядок могилу Д. И. Пихно (см.: *Матин Ольга*. Записки русской американки: семейные хроники и случайные встречи. С. 90). Об этом намерении он говорил еще в книге «Годы»: «В 1913 году умер мой отчим, в Киеве же, но похоронен на Волыни. Склеп, где покоится его прах, существует, но в большом небрежении, и я до сих пор не имел возможности привести дорожную мне могилу в порядок. Да будет мне стыдно» (*Шульгин Василий*. Последний очевидец. С. 165–166). На Волыни Д. И. Пихно построил «четыре вальцовых мельницы в Томахове, Друздове, Кашовке и Курганах. Они мололи в общей сложности сотни тысяч пудов в год» (*Шульгин В. В. Тени, которые проходят*. С. 94).

В. Д.: Что значит — «вальцовая мельница»?

В. Ш.: То есть там не жернова были, а вальцы, такие цилиндры⁷². Она выдвигала высшие сорта, там было, в общем, семь сортов муки. Четыре ноля шел на куличи⁷³. Да. Когда братья съезжались, то они начинали говорить о мельницах, когда уезжал Василий Иванович, то продолжали говорить о мельницах.

⁷² Вальцовая мельница раскручивает чугунные цилиндры (валки) с рифлями (бороздками) тонкой нарезки, вращающиеся в противоположных направлениях, чем обеспечивается захват и измельчение зернового продукта (зерна, прошедшего очистку и предварительную обработку).

⁷³ Сейчас российское мукомольное производство ограничивается четырьмя типами помола. Самый тонкий – мука высшего сорта. В Италии, где к муке предъявляют повышенные требования, тоже практикуют четыре типа помола. Лучшая мука маркируется двумя нолями.

” Но кроме того, у Дмитрия Ивановича еще была мечта — сахарный завод, потому что он говорил: «Где сахарный завод, там бедняков не бывает!»

Потому что эта отрасль очень трудоемкая. И вот ему удалось заложить сахарный завод, но он его не достроил и умер⁷⁴, что ему предсказала цыганка. Она ему сказала, старуха: «Стройшь маримоны (маримоны — это вальцовые мельницы⁷⁵) — строй, будет удача, начнешь строить цукроварню (цукроварня — это сахарный завод) — умрешь». Так и вышло.

⁷⁴ Бабино-Томаховский сахарный завод, заложенный Д. И. Пихно в апреле 1913 г. недалеко от своих владений, был запущен уже через месяц после его смерти, в августе того же года. «На нем в две смены работало по двенадцать часов в сутки двести человек. Суточная производительность завода составляла три тысячи – три тысячи пятсот центнеров свеклы, из которой вырабатывалось двести девяносто – триста центнеров сахара» (*Шульгин Василий*. Последний очевидец. С. 196).

⁷⁵ Маримоны – это большие вальцовые мельницы.

Но все это я говорю к тому, что мои воспоминания сейчас перейдут в село... да... в село... Киев... Ставки! Киевской губернии, которое — село — купил Василий Иванович, брат. Он не купил на свои средства, потому что у них средств не было, но он женился хорошо на такой Вангельгейм — это, очевидно, фамилия голландская. Но были они (она была Антонина Петровна, а эта была, ее сестра была Ольга Петровна)⁷⁶. Они были курские помещицы, остались сиротами, продали свои поместья, и у каждой образовались деньги.

⁷⁶ Подробнее о сестрах Вангельгейм см.: Шульгин В. В. Тени, которые проходят. С. 89–96.

Антонина Петровна вышла замуж за Василия Ивановича и купила вот эти Ставки. Это было маленькое имение, сто десятин⁷⁷, но с прекрасным домом — старинным палаццо, то, что называется, и великолепным парком и садом. А Ольга Петровна — она жила с ними вместе — стала строить школу и построила школу на свои средства, где потом много лет учительствовала, в этой самой школе.

⁷⁷ Имение в сто десятин для Шульгина маленькое, потому что у него самого в Курганах было имение в 300 десятин.

Когда я уже после тюрьмы ездил по югу России, я попросил меня отвезти туда, в эти самые Ставки. Я там нашел: дом стоял, но уже не такой, парка ни следа — голое поле, а в доме — лечебница для туберкулезных детей. И там вот узнали, в общем, что я приехал, каким-то образом... А надо сказать, что я помню: когда началась революция, мой отчим тогда умер, а он был попечителем сельскохозяйственного училища, которое там открыли, в этом доме. А тогда это попечительство перешло ко мне, но я так и не доехал: точнее сказать, я ехал сорок лет, через всю Европу (*подавляя эмоции*) приехал из Киева наконец туда.

Так вот, [об] этом доме, значит, мои воспоминания. Это был огромный дом, роскошный когда-то, теперь запустелый. И не было средств ни у Василия Ивановича, ни у Дмитрия Ивановича, чтобы его целиком восстановить, поэтому восстанавливалось только несколько комнат. Но комнаты были великолепные, окна донизу, огромные эти окна, потом местные еврейчики там расписали. Стены там под мрамор, другую там синюю какую-то, а остальные оставались в запустении. Я туда тайком ходил, потому что было запрещено туда ходить, так как падала... тяжелая...

В. Д.: Штукатурка.

В. Ш.: ...штукатурка. И я там тихонечко бродил и страшно боялся.

” Там всякая рухлядь стояла, и мне все казалось, что за каждым поломанным креслом кто-то стоит. Ну вот, в этом доме мы жили. Там у меня парк остался!

(*Мечтательно.*) Остался парк, только он весь был, понимаете, с такими... площадками, на которых были фруктовые деревья — великолепные фрукты были там, но одну такую площадку — завладел ею дикий хмель. А вы знаете, что дикий хмель убивает всё! Он образовал на вот этой площадке такую палатку, огромную палатку, зеленый там цвет, и мертвые стояли стволы. И я любил туда залезть, там сидел, размышлял. Размышлял я обыкновенно долго, пока вдруг слышал собачий лай громкий и какие-то крики, и я это уже знал, что мои друзья бегут меня звать обедать. Мои друзья... Это, как ее звали... как ее звали... девочка десяти лет, другая девочка Палашка, восьми лет⁷⁸, и три пса: большая собака такая, как это она называлась? Словом, что-то такое грозное⁷⁹. Потом Серчик, поменьше и породистый пойнтер⁸⁰, но раненый в ногу, так что на трех ногах, Ральф... И эта вся пятерка была, значит, послана звать меня к обеду. И я это слышал еще издаля крики, наконец, врвалась под этот шатер зеленый вся компания. «Уже <нрзб> за стол!»⁸¹ Ничего подобного⁸², но все-таки мы бежали обратно. И вот такая была дружба у меня с этими девочками и с собаками.

⁷⁸ Вариант: «Собаками командовали две девочки. Одна, что постарше, по имени Людка, двенадцати лет, и десятилетняя Палашка, Пелагея. Они <...> были вроде младших горничных» (Шульгин В. В. Тени, которые проходят. С. 93).

⁷⁹ Ее звали Лютка (Там же).

⁸⁰ Пойнтер – порода гладкошерстных легавых собак, соединяющих преданность, непревзойденное охотничье чутье, ум и доброту.

⁸¹ В книге «Тени, которые проходят», эта реплика выглядит так: «Та вже за столом сьдять» (с. 93).

⁸² См. подробнее:

«Я знал, что они врут, но мы шестером отправлялись дружно в “Палац”, где еще не обедали, а только что Архип привез бочку с водой» (Шульгин В. В. Тени, которые проходят. С. 93).

В этом доме жил зимой и летом Василий Иванович со своей женой Антониной Петровной и с сестрой жены Ольгой Петровной. Она строила школу такую... обыкновенного типа, двухклассную. За постройкой наблюдал Василий Иванович, а мечтал он, чтоб этот огромный дом, открыть в нем сельскохозяйственное училище. В то время очень мало было этих училищ в России. А у него была мысль такая: воспитывать здесь мальчиков этого села, Ставки, чтобы они оставались на своей земле, потому что земли было довольно, но обрабатывали они ее плохо. Ну, кроме того, их учили садоводству, но из этого ничего не вышло. Они, кончая такое заведение, уже становились паничами, они уже белые воротнички носили, они уже не хотели сидеть в деревне. Они переходили там в учителя, там... по экономии работали, вот. А... Но все-таки это было сделано. После этого правительство уже взяло в свои руки это училище. Оно и существовало — это училище.

А Василий Иванович, бедняга... Вот, как знаете, бывают такие ощущения... мы там возились с собаками, и он очень сердился и говорил: «Не смейте этого делать! Собаки иногда болеют страшными болезнями — эхинококками, и вы можете заболеть». Мы не обращали внимания, а он заболел эхинококком⁸³ — крайне редкая болезнь, но он предчувствие имел. Страшная болезнь. Он лишился ног, его перевезли в Киев, и он четыре года там еще лежал, в Киеве у нас. А так как он был большой пчеловод, то он себе поставил в комнате улей, причем, леток — это была дыра в стене, и он себе вот это... этим утешался. Четыре года лежал. Тут была около него Антонина Петровна и Ольга Петровна. Антонина Петровна сошла с ума и умерла. И тут я помню, как ее в гробу принесли прощаться, а он встать не мог — ужасно! Ну, похоронили, осталась Ольга Петровна, которая ухаживала за ним до самой смерти. И он умер⁸⁴. Ну, пожалуй, довольно.

⁸³ Эхинококкоз – хроническое заболевание, которое вызывают личинки ленточных червей рода эхинококков, поражая внутренние органы (печень, легкие, головной мозг, реже сердце). В организм человека эхинококки попадают главным образом от собак.

84 15 сентября 1896 г.